

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ДИГЛОССИЯ В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ¹

© Ирина Васильевна КРЮКОВА

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания, e-mail: kryukova-irina@yandex.ru

Дано определение антропонимической диглоссии как явления, которое характеризует параллельное существование в пределах одного социума разных форм именования человека с четким закреплением каждой из них за определенными сферами общения, закрепленными за разными социальными группами. На примере наблюдений за функционированием имен собственных в малых социальных группах (семья, профессиональный или учебный коллектив, коллектив друзей и др.), которые могут быть как формальными (например, профессиональный коллектив в целом), так и неформальными (объединения внутри коллектива), сделанные на основе контекстуального анализа текстов художественного и публицистического дискурса, а также интернет-коммуникации, выделяются две разновидности антропонимической диглоссии. Речь идет о внутриязыковой антропонимической диглоссии, при которой наблюдается существование двух и более форм имени одного индивида, относящихся к разным подсистемам национального антропонимона; и межъязыковая антропонимическая диглоссия, для которой характерно употребление индивидом в пределах одного социума двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам. Эти имена функционально неравнозначны. Каждая форма антропонимической номинации достаточно прочно закрепляется за определенной сферой коммуникации в пределах малой социальной группы. На примерах параллельного функционирования разных форм имени одного индивида (в профессиональной или учебной группе, в семье, в кругу друзей), отраженных в художественной литературе, публицистике и интернет-коммуникации, показана функциональная специфика внутриязыковой и межъязыковой антропонимической диглоссии и обозначены подходы к дальнейшему исследованию данного явления.

Ключевые слова: антропоним; внутриязыковая диглоссия; межъязыковая диглоссия; малая социальная группа.

Введение. При обосновании многих ключевых понятий теории имени собственного традиционно обращается внимание на тесную связь ономастики и социолингвистики [1; 2]. Однако по-прежнему ощущается недостаточное внимание к именам собственным как единицам языка и речи при теоретическом обосновании ключевых понятий социолингвистики. К числу таких понятий можно отнести сложившиеся в социолингвистике представления о диглоссии, которая анализируется и определяется без учета имен собственных.

Термин «диглоссия» был введен в научный обиход американскими лингвистами Ч. Фергюсоном и Дж. Гамперцем для обозначения явления, при котором члены одного и того же языкового сообщества, владея разными коммуникативными подсистемами – языками, диалектами, стилями, – пользуются то одной, то другой подсистемой в зависимости от социальных функций общения (Цит.

по [3, с. 468]). Этот тип диглоссии, который может быть обозначен как внутриязыковая, определяется в современной отечественной социолингвистике как «владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка) данного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения» [4, с. 59]. Иллюстрируя данное явление, Л.П. Крысин приводит примеры часто наблюдающегося в современной русской речи включения в разговорные жанры штампов книжного и канцелярско-делового языка; а с другой стороны – включение в книжные тексты элементов разговорного характера [3, с. 469].

Существует и другое понимание диглоссии, согласно которому это «владение разными языками, но в отличие от билингвизма диглоссия в этом понимании обозначает владение двумя подсистемами различных национальных языков, каждая из которых используется только в определенной сфере общения. Диглоссия такого типа не обязатель-

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ за 2016 г., проект № 15-34-01008.

но сопровождается двуязычием, при котором функциональное распределение между двумя используемыми языками может либо отсутствовать, либо быть размытым» [4, с. 59]. Н.Б. Мечковская рассматривает диглоссию именно данного типа и дополняет имеющиеся определения оценочным компонентом. Автор уточняет, что диглоссия имеет место при несбалансированном двуязычии, для которого характерно наличие престижного языка, используемого в «высоких» сферах общения, и второго языка, возможного только в повседневном общении. Причем отмечается надэтнический характер престижного языка: ни для одной из этнических или социальных групп населения он не является родным, им нельзя овладеть естественным путем (от матери, в семейно-бытовом общении в детстве) [5, с. 108-109]. Обозначим такой вид диглоссии как межъязыковая.

Таким образом, понятие диглоссии относится к достаточно разработанным и устоявшимся в современном языкознании. Однако во всех указанных источниках, как отечественных, так и зарубежных, диглоссия иллюстрируется примерами, далекими от современных отечественных реалий и рассматривается отдельно от ономастики. Между тем имена собственные, особенно антропонимы, наиболее чутко реагируют на смену языкового кода, происходящую в связи со сменой коммуникативных обстоятельств.

Об антропонимической диглоссии идет речь, пожалуй, только в работе С.И. Гарагули, в которой, в частности, исследуется адаптация или смена имен иммигрантами в США. Автор определяет антропонимическую диглоссию как параллельное существование и употребление индивидом двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам, в пределах одного социума. Она обозначает такую форму владения двумя именами, при которой их применение функционально распределяется в зависимости от коммуникативных потребностей [6]. Очевидно, что в данном случае речь идет о межъязыковой диглоссии. Антропонимическая диглоссия, характерная для современного российского общества, как внутриязыковая, так и межъязыковая, не становилась предметом лингвистического анализа.

Проиллюстрируем подходы к такому исследованию на примере наблюдений за

функционированием имен собственных в малых социальных группах (семья, профессиональный или учебный коллектив, коллектив друзей и др.), которые могут быть как формальными (например, профессиональный коллектив в целом), так и неформальными (объединения внутри коллектива), сделанные на основе контекстуального анализа текстов художественного и публицистического дискурса, а также интернет-коммуникации.

Внутриязыковая антропонимическая диглоссия. Говоря о внутриязыковой антропонимической диглоссии, имеем в виду явление, характеризующее параллельное существование двух и более форм имени одного индивида, относящихся к разным подсистемам национального антропонимона. Каждая форма официальной или неофициальной антропонимической номинации достаточно прочно закрепляется за определенной сферой коммуникации в пределах малой социальной группы. Количество имен, соответствующих разным социальным группам, определяется степенью общественной активности индивида, его включенностью в различные сферы деятельности.

Известный британский исследователь имен собственных В. Николайсен в качестве примера антропонимической идентичности приводит наблюдения за вариантами варьирования своего имени: *“I am so many names to so many people: Bill, Bill Nicolaisen, Uncle Bill, Willi, der kleine Willi, Onkel Willi, Willi Nicolaisen, Wilhelm, Wilhelm Nicolaisen, W.F.H. Nicolaisen, Nicolaisen, Guardian, Dr. Nicolaisen, Willie Nick, Professor Nicolaisen, Professor, Dad, Daddy, Opa, and of course, good old birth-certificate Wilhelm Fritz Hermann Nicolaisen”* [7, p. 185]. Эта языковая рефлексия ученого характеризует не только вертикальные изменения в системе наименований, происходящие на протяжении всей жизни человека и названные С.И. Гарагулей «антропонимической биографией» [6], но и горизонтальные изменения, связанные с практически одновременным, параллельным, коммуникативным взаимодействием индивида в различных социальных объединениях.

Антропонимическая диглоссия в таких объединениях проявляется в переключении с одной системы наименований лиц на другую при смене обстоятельств общения внутри группы (например, при переходе от нефор-

мального общения к официальному или наоборот) или при выходе за пределы группы. Например, при переходе от неформального общения к официальному возможно столкновение официальной трехчленной формулы имени и гипокористической, сопровождаемое метаязыковым комментарием (рефлексивом) по поводу такого столкновения: *Сегодня разговор с Павлом Васильевичем Рубакиным (язык не поворачивается назвать его Пашей, как у нас принято). На кафедре над ним смеиваются* (Грекова И. Кафедра). Очевидны коммуникативные затруднения при подобных переходах, связанные с различием в возрасте и статусе индивидов, принадлежащих к одной профессиональной группе.

Антропонимическая диглоссия имеет место и при переходе от профессионального внутригруппового общения к презентации членов малой социальной группы на официальном уровне, отраженное, к примеру, в публицистике. Если автор речи считает целесообразным использование неофициальных форм имени за пределами данной группы, то его высказывание сопровождается рефлексивом *как мы его/ее называем*. При этом введение на первый взгляд избыточного, нехарактерного для официальных сфер общения, внутригруппового антропонима-деминутива сразу после официального наименования передает дополнительную информацию эмоционально-оценочного плана: *Сразу повеяло чем-то родным, когда зазвучал голос ведущей – ею оказалась наша добрая хозяйка всех музыкальных встреч в «Труде» Галина Преображенская, Галочка, как мы ее называем* (Труд-7, 2000. 26 сентября). Такие переходы от одного имени к другому сокращают коммуникативную дистанцию между автором и адресатом, способствуют интимизации общения.

В достаточно сплоченной малой социальной группе отмечается особая частотность прозвищ, используемых как в вокативной функции, так и в качестве заглавных. При общении вне группы происходит переключение на иные, общеупотребительные формы имени. Подтверждение этому встречаем в мемуарной литературе, что позволяет оценивать такие способы именования как достоверные, соответствующие реальным коммуникативным ситуациям.

Как отмечают А.С. Щербак и А.А. Бурыкин, «в современном обиходе, в рамках существующего принятого речевого этикета и действующей правовой практики, регулирующей формы имени, собственно личные имена и прозвища расходятся все дальше и дальше друг от друга» [8, с. 216]. Вполне закономерно некоторое удаление друг от друга и автономное существование личных имен и прозвищ, закрепление за одними ситуациями официальных форм имени, а за другими – прозвищ. Причем прозвища понятны только посвященным, поэтому при выходе автора речи за пределы малой группы они, как правило, сопровождаются рефлексивами с местоимением *все* или наречиями *всегда*, *часто*: *как все его/ее называли; его/ее всегда называли. У нас была особая дружба с секретаршей Товстоногова Ириной Шимбаревич – Шимбой, как все ее называли* (Спивакова С. Не все).

Наиболее устойчивые в малых группах семейные прозвища и прозвища друзей, образованные преимущественно от личных имен, тоже отражены в мемуарной литературе, относящейся к разным периодам: *Недаром товарищи и друзья называли его не Константином Сергеевичем, а ласкательно, как малого ребенка: «Конста»* (Буслаев Ф.И. Мои воспоминания). *Дмитрий Николаевич почти ежедневно звонил в Москву, он преподавал в Школе-студии мастерство художественного слова, там же училась его дочь, он ее называл Тутик (ныне актриса «Табакерки» Наталья Дмитриевна Журавлева)* (Вульф В. Серебряный шар). Это позволяет заметить, что параллельные и независимые формы антропонима, закрепленные за коммуникацией в разных социальных группах – постоянная и устойчивая характеристика речевого поведения.

Межязыковая антропонимическая диглоссия. Под межязыковой антропонимической диглоссией понимаем явление, характеризующее параллельное существование и употребление индивидом в пределах одного социума двух имен, принадлежащих разным лингвокультурам. Эти имена функционально неравнозначны, их употребление распределяется в зависимости от коммуникативных потребностей: например, в профессиональном коллективе, неоднородном в национальном отношении, используются одни

имена, как правило трансформированные, а в кругу своей этнической группы, в общении на родном языке – исконные имена, данные при рождении и характерные для оригинальной лингвокультуры.

Важным условием при диглоссии любого типа является «сознательный выбор говорящего между разными коммуникативными средствами и использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения» [4, с. 60]. Причем зачастую, в отличие от внутриязыковой антропонимической диглоссии, в данном случае имеет место самоназвания, т. е. члены профессионального или учебного коллектива делают сознательный выбор формы имени, способствующий их языковой социализации в рамках определенной группы или общества в целом.

Адаптированные имена приобретают различные формы. Причем случаи полной замены имени достаточно редкие. Зачастую из русского именника выбираются имена, фонетически и структурно подобные исконным, что можно рассматривать как попытки сохранить элементы своей этнической идентичности. Например, параллельно существующие имена адыгов: *Кульжана – Жана, Запихан – Зоя, Нурбий – Юрий, Батырбий – Борис* и под. Размышляя о причинах появления второго имени у жителей Адыгеи, иногда ведущих к официальной замене этнического имени, данного при рождении, Р.Ю. Намиткова и И.А. Нефляшева отмечают не только желание адаптироваться в иноязычной среде и не выделяться своей экзотичностью. Среди причин появления нового имени авторы отмечают труднопроизносимость некоторых национальных имен, а также неудобства образования отчеств [9, с. 21].

Приведем примеры со специальных форумов, на которых обсуждалась ситуация, обозначенная нами как межъязыковая антропонимическая диглоссия [10–12]. Во всех приведенных ниже высказываниях мы сохранили орфографию и авторский стиль изложения.

Примечательно, что практически все авторы метаязыковых высказываний, посвященных данной проблематике, называют социальную группу, в которой обычно присваивается второе имя (*на работе, в школе и др.*): *Родные называют Лейла, подруги,*

друзья в школе – Леська, а брат и его друзья Лелек; А у одноклассника папа Ильмас Фетлихтясович, но на работе он для всех Илья Федорович [10].

Следует также обратить внимание на зависимость выбора адаптированного или полностью измененного имени от типа социальной группы. В трудовых коллективах чаще происходит замена имени: *Давно-давно работала секретарем в нефтеторговой фирме. У нас работали: Мушфиг – Михаил Гусейнович, Тарлан – Толик, Фаик и Фуад – Миша и Гера соответственно. Все родились в одном селе. А еще был Эдуард Александрович. Он же Тя Ман Гук. Причем, Тя – фамилия, а Ман Гук – имя. Все эти люди так и представлялись. Настоящие имена знали очень немногие* [11]. А в учебных коллективах этническое паспортное имя сохраняется в официальном общении, даже если оно не функционирует в семье: *Мое настоящее имя Шаухан. А все друзья, родственники, все знакомые называют меня Сашей, Саней! Я даже толком не привык к своему настоящему имени. Ток в универе меня называют Шауханом* [10]. Иногда параллельное имя существует не для всего коллектива, а лишь для его части. Например, для детей: *В начальной школе была учительница-татарка Найля Феккиевна. Для детей – Нелли Федоровна* [11].

Одна из отличительных особенностей межъязыковой антропонимической диглоссии – идентификация себя как личности с одним трансформированным именем в разных социальных группах. Например, функционально связанным оказывается употребление имени в профессиональных и семейных группах. Замена или адаптация имени одного члена семьи влияет на форму выбора русифицированного варианта имени в профессиональной группе другого члена семьи: *Устраивается к нам работник. – Зовите меня Леха. – А по паспорту тебя как зовут? – Ильшат. – Может тогда Ильей будем тебя называть? – Илья – мой брат Ильяс* [12].

Среди причин выбора для себя русифицированного варианта имени участники интернет-коммуникации нередко называют существующее в обществе предубеждение к их этническому происхождению и нежелательные фонетические ассоциации со словами русского языка: *Я Светлана. (Имя Савдат сменили уже как год. Сложно с ним жить в*

наше время, в нашей стране. Да и созвучно для многих с солдат. Однако я все равно ооочень сильно люблю свою это имя) [10].

Очевидны эмоциональные переживания носителя нового имени и желание рассказать о своих проблемах, связанных с изменением имени. Такое оценочное отношение к межъязыковой антропонимической диглоссии носителей имен, непривычных для русской лингвокультуры, достаточно типично: *Татары всю жизнь мучились со своими именами – упрощали-упрощали, чтобы русским легче было произносить, и до конца жизни были обречены быть «просто» Фаями, Гулями, Зулями...* [12].

Нередко это приводит к появлению и обратного процесса – реверсивному имятворчеству: некоторые носители нетипичных для русской лингвокультуры имен переидентифицируют себя в трудовом коллективе, вторично заменяя свои уже адаптированные русифицированные имена на исконные. Например, в Якутии все большую популярность набирает возвращение родовых якутских имен, а в случаях их полной утраты – конструирование имени с использованием глаголов и прилагательных родного языка. В результате *Иван* заменяется на *Уйбаан*, *Егор* – на *Дьгр*, *Григорий* – на *Киргиэлей*, *Федор* – на *Суодэр*, *Петр* – на *Буотур*, *Павел* – на *Байбал* и т. п. Наблюдается активное использование вновь обретенных якутских имен в официальных ситуациях общения [13]. Такое явление тоже можно квалифицировать как антропонимическую диглоссию, только в данном случае полностью меняются оценочные представления как о престижности языка, так и о собственной социализации.

Заключение. Рассмотренный материал позволяет определить антропонимическую диглоссию как параллельное существование в пределах одного социума разных форм именования человека, с четким закреплением каждой из них за определенными сферами общения в пределах социальной группы. В зависимости от выбора антропонима выделяются внутриязыковая антропонимическая диглоссия, при которой параллельно существующие имена одного индивида относятся к разным подсистемам национального антропонимона, и межъязыковая антропонимическая диглоссия, при которой наблюдается сознательный выбор индивидом второго

имени, принадлежащего к иной лингвокультуре, как правило, доминирующей в данном социуме. Данные виды антропонимической диглоссии определяются условиями общения и различаются не только выбором форм антропонима, но и их функциональным распределением между коммуникативными ситуациями.

В заключение отметим, что представленный в данной статье общий взгляд на антропонимическую диглоссию нуждается в дальнейшей разработке на более широком текстовом материале, с привлечением данных массовых социолингвистических опросов и записью живой разговорной речи в семьях и в профессиональных коллективах. Кроме того, дальнейшая работа в данном направлении может способствовать определению таких теоретических понятий, как ономастические социолекты и ономастический стиль речевого поведения, для разработки которых пока не хватает иллюстративного материала.

Список литературы

1. *Бондалетов В.Д.* Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М., 1970. С. 17-23.
2. *Крюкова И.В.* Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2 (47). С. 30-35.
3. *Крысин Л.П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 468-474.
4. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. URL: http://www.iling-an.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (дата обращения: 29.01.2016).
5. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000.
6. *Гарагуля С.И.* Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
7. *Nicolaisen W.F.H.* In the Beginning Was the Name // Names. 1999. Vol. 47.
8. *Щербак А.С., Бурькин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.

9. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп, 2016.
10. Ваше второе имя, или как вас называют родственники, друзья? URL: http://vk.com/topic-10625_26796 (дата обращения: 11.01.2016).
11. Как правильно произносить непривычные и иностранные имена. URL: <http://i-cherski.livejournal.com/1347882.html?page=1#comments> (дата обращения: 11.01.2016).
12. Хочу поделиться историей про замену имен. URL: http://pikabu.ru/story/khochu_podelitsya_istoriey_pro_zamenu_imyon_4144977 (дата обращения: 11.01.2016).
13. Назвался Уйбааном. Якуты стали чаще менять русские имена на национальные. URL: <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/14865.html#ixzz4AitUPnfP> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Mechkovskaya N.B. *Sotsial'naya lingvistika*. Moscow, 2000. (In Russian).
6. Garagulya S.I. *Antroponimicheskaya pragmatika i identichnost' individa (opyt sistemnogo opisaniya lichnykh imen v SShA)*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Moscow, 2009. (In Russian).
7. Nicolaisen W.F.H. In the Beginning Was the Name. *Names*, 1999, vol. 47.
8. Shcherbak A.S., Burykin A.A. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 9 (77), pp. 213-217. (In Russian).
9. Namitokova R.Yu., Neflyasheva I.A. *V mire imen sobstvennykh. Lingvisticheskie besedy po kraevedeniyu*. Maykop, 2016. (In Russian).
10. *Vashe vtoroe imya, ili kak vas nazyvayut rodstvenniki, druz'ya?* Available at: http://vk.com/topic-10625_26796 (accessed 11.01.2016). (In Russian).
11. *Kak pravil'no proiznosit' neprivychnye i inostrannye imena*. Available at: <http://i-cherski.livejournal.com/1347882.html?page=1#comments> (accessed 11.01.2016). (In Russian).
12. *Khochu podelit'sya istoriey pro zamenu imen*. Available at: http://pikabu.ru/story/khochu_podelitsya_istoriey_pro_zamenu_imyon_4144977 (accessed 11.01.2016). (In Russian).
13. *Nazvalsya Uybaanom. Yakuty stali chashche menyat' russkie imena na natsional'nye*. Available at: <http://smartnews.ru/regions/yakutsk/14865.html#ixzz4AitUPnfP> (accessed 11.01.2016). (In Russian).

References

1. Bondaletov V.D. Onomastika i sotsiolingvistika. *Antroponimika*. Moscow, 1970, pp. 17-23. (In Russian).
2. Kryukova I.V. Sotsiolingvisticheskie aspekty onomasticheskikh issledovaniy: postanovka problemy. *Voprosy filologii – Journal of Filology*, 2014, no. 2 (47), pp. 30-35. (In Russian).
3. Krysin L.P. Vladenie raznymi podsystemami yazyka kak yavlenie diglossii. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. Moscow, 2004, pp. 468-474. (In Russian).
4. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Moscow, 2006. Available at: http://www.iling-an.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf (accessed 29.01.2016). (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 81-23

ANTHROPONYMIC DIGLOSSIA IN SMALL SOCIAL GROUPS

Irina Vasilevna KRYUKOVA, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Linguistics Department, e-mail: kryukova-irina@yandex.ru

The definition to anthroponymic diglossia as a phenomenon which characterizes parallel existence within one society of different forms of human nomination with clear fixation of each after definite spheres of communication which are fixed by different social groups. Basing on the example of watching functioning of proper names are divided into small social groups (family, professional or educational collective, collective of friends and etc.). They may be both formal (e.g. professional collective in general) and informal (groups within collective), created on the basis of context analysis of literary and publicistic discourse and also internet communication the two types of anthroponymic diglossia are figured out. The inter language anthroponymic diglossia is discussed when we see the existence of two and more forms of name of one individual, which refer to different subsystems of national anthroponymicon; and inter language anthroponymic diglossia for which a characteristic feature is use by individual within one society of two names, belonging to different linguistic cultures. These names are not functionally equal. Each form of anthroponymic nomination is fully fixed by definite sphere of communication within small social group. Basing on the examples of parallel functioning of different forms of name of one individual (in professional or educational group, in family, in a circle of friends), reflected in fiction, publicistic journalism and online communication, and demonstrate the functional specificity of intra-language and inter-language of diglossia and anthropological approaches to the further study of this phenomenon.

Key words: anthroponym; inner language diglossia; inter language diglossia; small social group.